

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
Інстытут гісторыі

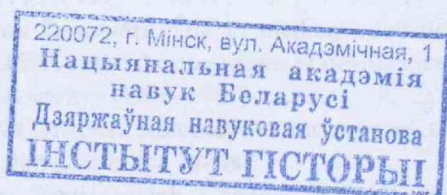
ГІСТАРЫЧНА- АРХЕАЛАГІЧНЫ ЗБОРНІК

Заснаваны ў 1927 годзе

Выпуск 36

HISTORICAL-
ARCHAEOLOGICAL
COLLECTION

Issue 36

Мінск
«Беларуская навука»
2022

ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі» працягвае выданне «Гістарычна-археалагічнага зборніка». У ім змешчаны артыкулы вядучых вучоных-гісторыкаў Беларусі, якія прааналізавалі найноўшыя дасягненні акадэмічнай гістарычнай навукі за апошнія гады, паказалі найбольш знакавыя адкрыцці гісторыкаў і археолагаў. У артыкулах навукоўцаў раскрываюцца сучасныя погляды на актуальныя праблемы айчынай і замежнай гісторыі ад першабытнасці да сучаснасці.

Выданне разлічана на прафесійных вучоных-гісторыкаў, археолагаў, антрапологаў, выкладчыкаў, студэнтаў і аспірантаў, шырокае кола чытачоў.

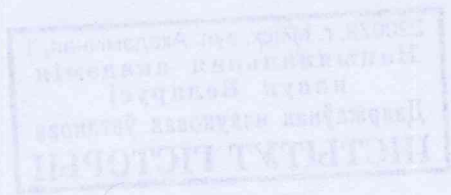
Выданне адноўлена ў 1993 годзе

Рэдакцыйная калегія:

- А. А. Каваленя, акадэмік, доктар гістарычных навук, прафесар (галоўны рэдактар);
В. Л. Лакіза, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (намеснік галоўнага рэдактара);
М. У. Глеб, кандыдат гістарычных навук;
В. Ф. Голубеў, доктар гістарычных навук, прафесар;
А. І. Груша, доктар гістарычных навук, дацэнт;
В. В. Даніловіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
А. Б. Доўнар, кандыдат гістарычных навук;
М. Г. Жылінскі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
І. У. Жылінская, кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
Я. У. Кодзін, доктар гістарычных навук, прафесар (Расійская Федэрацыя);
А. М. Літвін, доктар гістарычных навук, прафесар;
Я. В. Мірановіч, доктар гістарычных навук, прафесар (Рэспубліка Польшча);
А. А. Мяцельскі, доктар гістарычных навук;
Н. Я. Новік, кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
М. У. Смяховіч, доктар гістарычных навук, дацэнт (адказны сакратар);
А. В. Солапава, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (Расійская Федэрацыя);
С. А. Траццяк, кандыдат гістарычных навук;
А. У. Касцюкевіч, кандыдат гістарычных навук (тэхнічны сакратар);
А. В. Бараноўскі, кандыдат гістарычных навук (тэхнічны сакратар)

Рэцэнзенты:

- доктар гістарычных навук прафесар А. Г. Калечыц,
доктар гістарычных навук прафесар І. Р. Чыкалава

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Тамара Габрусь. Барока ў архітэктуры езуіцкіх храмаў Беларусі: архітэктоніка і семантыка	6	Tamara Gabrus. Baroque in the architecture of Jesuit churches in Belarus: architectectonic and semantics.	6
Аляксандр Ерашэвіч. Да пытання аб павелічэнні дзяржаўных падатковых даходаў з беларускіх зямель у 1773–1775 гады, далучаных да Расійскай імперыі ў 1772 годзе.	13	Aliaksandr Yerashevich. On the question of the 1773–1775 increase in the state tax income in the belarusian lands joined to the Russian Empire in 1772.	13
Наталля Анофранка. Рэгіянальныя асаблівасці фарміравання земскай паліцыі на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў у канцы XVIII – першай трэці XIX стагоддзя.	23	Natallia Anofranka. Regional features of the formation of the local (zemstvos') police on the territory of the Belarusian-Lithuanian provinces at the end of the 18th – first third of the 19th century.	23
Андрэй Мяцельскі. Мураваныя праваслаўныя храмы Мсціслава XIX стагоддзя	32	Andrei Miacelski. Stone Orthodox churches of Mstislavl 19 th century.	32
Ягор Байголаў. Культурна-асветніцкая дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў на тэрыторыі Віцебскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя.	42	Yahor Baiholau. Cultural and educational activities of agricultural societies of Vitebsk province in the second half of 19th – the beginning of the 20th century.	42
Андрей Ганчар. Практика употребления языков в римско-католическом богослужении на примере Витебской губернии (вторая половина XIX – начало XX века)	50	Andrei Hanchar. The practice of using languages in Roman Catholic worship on the example of the Vitebsk province (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century.	50
Николай Смахович. Белорусская национальная государственность (ноябрь 1917 – февраль 1921 года)	63	Mikalai Smiakhovich. The belorussian national statehood (November 1917 – February 1921).	63
Юрий Грузицкий. Деятельность Конъюнктурного совета при Государственной плановой комиссии БССР (1924–1930 годы)	83	Yuryi Gruzitsky. Conjuncturul Council under the State Planning Commission of the BSSR (1924–1930).	83
Андрей Колас. Механизация и электрификация аграрного производства в совхозах БССР (1928–1933 годы)	91	Andrei Kolas. Mechanization and electrification of agricultural production in the state farms of the BSSR (1928–1932)	91
Алексей Литвин. Белорусы – участники советско-финляндской войны среди командного состава партизанских формирований Беларуси (1941–1944 годы)	99	Aliaksei Litvin. Belarusians – participants of the Soviet-Finnish War among the commanders of the partisan formations of Belarus (1941–1944)	99
Ярослав Перевалов. Высшее медицинское образование БССР как элемент социальной системы (1946–1991 годы)	105	Yaraslau Peravalau. Higher medical education of the BSSR under the conditions of development of soviet society (1946–1991)	105
Валянцін Мазец. Аўтамабільны транспарт Беларускай ССР у 1980-я гады.	114	Valentin Mazets. Automobile transport of the Belarusian SSR in the 1980s	114
Николай Нестерович. Изменение законодательства, регулирующего структуру и деятельность Правительства Республики Беларусь в 1994–1998 годы	120	Mikalai Nestsiarovich. Changes in the legislation regulating the structure and activities of the Government of the Republic of Belarus in 1994–1998.	120
Ляна Іванічэва. Формирование государственной политики в сфере туризма в Республике Беларусь в 1999–2021 годы.	126	Liana Ivanichava. Formation of state policy in the field of tourism in the Republic of Belarus in 1999–2021.	126

Николай Смахович, заведующий центром истории Беларуси конца XVIII – XXI века Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук, доцент (г. Минск, Беларусь) (smenic18@mail.ru)

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ (НОЯБРЬ 1917 – ФЕВРАЛЬ 1921 ГОДА)

Ключевые слова: историография, источники, критика, социально-экономическая политика, РСФСР, БССР, характеристика, ноябрь 1917 – февраль 1921 г., концепция.

Введение

В марте 1921 г. В. Ленин, руководствуясь политико-идеологическими подходами, назвал социально-экономическую политику своего правительства периода ноября 1917 – февраля 1921 г. военным коммунизмом. Если обратить внимание на советскую историографию, то подходы и оценки исследователей по вполне понятным причинам базировались на некритическом восприятии идей В. Ленина. «В условиях смертельной опасности для завоеваний революции, в обстановке крайнего истощения и дезорганизации производительных сил страны в результате первой мировой войны и длительного хозяйничанья буржуазии перед партией возникла необходимость временно проводить особую политику, которая получила название “военный коммунизм”. Наиболее концентрированно военный коммунизм выразился во введении продовольственной разверстки, по которой государство брало у крестьян для снабжения Красной Армии, рабочих и беднейших крестьян все излишки продовольствия, а иногда и часть, необходимую самому крестьянину, обеспечивая взамен вооруженную защиту от реставрации помещиков и капиталистов. В чрезвычайных условиях военного времени эта политика, являвшаяся вынужденным отступлением от программы социалистических преобразований, начатых после победы Октября, была, безусловно, правильной, и ее осуществление является крупной заслугой Коммунистической партии. Она стала одним из решающих факторов победы над интервентами и белогвардейцами» [1, с. 559–560], – говорится в «Истории КПСС», изданной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Апологетика социально-экономической политики ЦК РКП(б), свойственная этому изданию, просматривается и в иных трудах. «В совокупности экономические меры Советского правительства, вызванные чрезвычайно трудной обстановкой и принимавшиеся в целях мобилизации всех сил и средств

для обороны, составили определенную систему, вошедшую в историю под названием “военного коммунизма”. Политика “военного коммунизма” себя оправдала, она позволила советскому народу нанести поражение экономически более мощному врагу», – говорится в «Истории СССР» [2, с. 658–659].

Историографическая оценка социально-экономической политики ленинского правительства зарубежными исследователями, как ни странно, также выдержана в некритическом русле. В самом общем виде она изложена Э. Карром, который обобщил оценки советских политических деятелей и непонятно по какой причине нарек их «школами»: «Согласно одной школе, он (военный коммунизм. – Н. С.) явился логическим развитием политики предыдущего периода, серией шагов, правильно задуманных, хотя и слишком поспешно выполненных в результате гражданской войны; ошибка же, свойственная военному коммунизму, относится скорее к степени и времени его осуществления, а не к его сущности. Эта точка зрения принадлежит тем, кто прославлял даже наиболее крайние проявления военного коммунизма в качестве побед социалистических принципов» [3, с. 615].

«Согласно другой школе, военный коммунизм представлял собой опрометчивый и драматичный пересмотр политики первого периода режима, бросок в непроверенные и утопические эксперименты, ни в коей мере не оправданные объективными условиями. По этому мнению, военный коммунизм состоял не в продвижении к социализму, а явился вынужденным ответом на чрезвычайные обстоятельства гражданской войны. Различие между двумя школами не было ни жестким, ни постоянным. Первая точка зрения имела тенденцию к отождествлению с мнением левой оппозиции и незадолго до этого возникшей рабочей оппозиции. <...> Второй точки зрения придерживались другие ведущие ру-

ководители партии, включая Ленина и Троцкого. <...> Обе точки зрения оставили свои следы в выступлениях и в статьях В. Ленина, равно как и на политике НЭПа», – говорит Э. Карр [3, с. 615–616]. Не отличается оригинальностью и оценка итальянского историка Дж. Боффа: «Выражением “военный коммунизм” большевики стали критически обозначать совокупность всех социальных и экономических мероприятий периода гражданской войны» [4, с. 123].

Полагаю, что концептуальные подходы представителей левой оппозиции, В. Ленина, Л. Троцкого, о которых говорит Э. Карр, надо учитывать, но их нельзя ставить во главу угла. Именно так считал И. Сталин, который в «Кратком курсе истории ВКП(б)» отметил: «Военный коммунизм был попыткой взять крепость капиталистических элементов в городе и деревне штурмом, лобовой атакой. В этом наступлении партия забежала далеко вперед, рискуя оторваться от своей базы» [5, с. 245]. Проще говоря, стремление большевистского руководства ликвидировать капитализм и в рамках военного коммунизма создать новый социально-экономический уклад И. Сталин не квалифицировал политико-стратегической ошибкой, а назвал лишь «забеганием вперед».

Принципиальных сдвигов в осмыслении проблемы не произошло и в историографии Российской Федерации. Бесспорно, резюмирующие оценки российских авторов от красно-большевистского сместились в сторону желто-либерального политического спектра, но они не затронули суть проблемы. В 1998 г. научная общественность России широко обсуждала книгу «Власть и реформы», подготовленную петербургскими историками. В процессе дискуссии был рассмотрен широкий круг проблем, касавшихся социально-экономических преобразований, проводившихся СНК РСФСР под руководством В. Ленина. «Политика «военного коммунизма» не означала ни полного разрыва с предшествующей ей дореволюционной и советской экономической политикой, проводившейся до лета 1918 г., ни тем более абсолютной обособленности от последующего нэпа, ни от общих форм военно-хозяйственного регулирования в ряде стран в годы Первой мировой войны» [6, с. 33], – утверждали некоторые участники дискуссии.

В этом же 1998 г. в России было издано учебное пособие «Политическая история России», на страницах которого рассмотрена социально-экономическая политика, проводившаяся в годы Гражданской войны. «Частичное совпадение задач, диктовавшихся условиями Гражданской войны, с доктринальными представлениями о социализме как

централизованном бестоварном обществе привели к формированию политики “военного коммунизма”. Сам “военный коммунизм” был порожден всей логикой предшествующего развития Советской власти: установлением однопартийной большевистской диктатуры, созданием мощного государственного аппарата и системы репрессивно-террористических органов, опытом “кавалерийской атаки” на капитал и военно-политическим нажимом на деревню весной–летом 1918 г. Сущность его виделась большевикам в военно-политическом союзе рабочих и беднейших крестьян в целях разгрома сил контрреволюции и создания благоприятных условий для перехода к социализму» [7, с. 89].

Примерно такие же, как в указанных историографических изданиях оценки содержатся и в более поздних монографических трудах. «В одном ряду с гражданской войной стоит политика “военного коммунизма”. Продразверстка поставила крестьянство – большинство населения страны – вне закона. “Военный коммунизм” в какой-то степени был результатом большевистской веры в могущество государственного принуждения, благодаря которому можно непосредственно перейти к социалистическому и коммунистическому распределению» [8, с. 596], – пишет А. В. Веко. В России военно-коммунистическая проблематика не снята с историографической повестки и до сего дня [9, с. 96–117]. Отметим, в национальной историографии Республики Беларусь оценки большевистской политики обозначенного периода не отличаются от российских [10, с. 140–141].

Таким образом, на протяжении целого 100-летия постулаты военного коммунизма практически не подвергались сомнению и научной критике. И что характерно, как в 1921 г., так и через 100 лет, историки не задались вопросами о том, правомерно ли называть политику ленинского правительства военным коммунизмом, принимая во внимание только интересы пролетариата и Советского государства, и где в характеристике этой политики учет интересов крестьянства. В свете сказанного вывод очевиден: *белорусская историческая наука нуждается в новой концептуальной научной оценке фактов, событий и явлений, оказывавших решающее влияние на становление белорусской национальной государственности.*

Цель работы – на основе всестороннего анализа фактического материала раскрыть сущность социально-экономической политики руководства большевистской партии и предложить принципиально новую концепцию ранней истории белорусской национальной государственности, присущую периоду ноября 1917 – февраля 1921 г.

Основная часть

Правительственный курс и его стратегия. Каждый человек, политическая группа, государственное руководство, оглядываясь и осмысливая события недавнего исторического прошлого, пытаются дать оценку сделанному, подвести черту и определить задачи на будущее. Данная проблема особую актуальность приобретает в том случае, если в обществе наблюдается критическое отношение, оппозиционные выступления разных социальных групп населения против правительственной политики. В марте 1921 г. в такой ситуации оказалось ленинское правительство. Восставшие в Кронштадте моряки создали «Временный революционный комитет» и выдвинули лозунги: «Долой коммунистов из Советов!», «Вся власть Советам, а не партиям!». К этому времени Гражданская война победоносно завершилась, казалось, для руководства молодого Советского государства все трудности остались позади. Однако на арену политической борьбы вместо добровольцев Деникина, Колчака, Врангеля, польских захватчиков выступили армия и крестьянство. Крестьянские волнения имели место и в 1918–1919 гг., но в эти годы они воспринимались в контексте острого классового противостояния, пропагандистски выдавались руководством большевистского Центрального Комитета за кулацкие мятежи. Летом 1920 г. крестьянские восстания всколыхнули Тамбовскую и Воронежскую губернии. И вновь на подавление «кулацких восстаний» были направлены части Красной Армии.

На этот раз над Советским государством нависла угроза потери социальной поддержки со стороны крестьянства, столкновения крестьянских масс с рабочими коллективами, что грозило неминуемым крахом новой власти. Напрашивается вопрос, который и тогда был судьбоносным для большевиков: по каким причинам за очень короткое время произошел коренной перелом в сознании народных масс, которые в октябре 1917 г. поддержали большевистскую партию?

С научной точки зрения, для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести анализ социально-экономической политики Совета народных комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР). Правительство опиралось на пролетариат, но в стране в общей массе населения его доля была слишком мала. В целом в России в 1913 г. общая численность городского населения составляла 28 452 тыс. человек (17 % от общей численности населения), а численность сельского населения – 108 840 тыс. человек [11, с. 10–11]. В 1913 г. в статье «Как В. Засулич убивает ликвидаторство» В. Ленин написал: «Повторяю, пролетариев у нас, вероятно, около 20 миллионов» [12, с. 34]. В 1913 г. на предприятиях, подчиненных фабричному и горному надзору, и на казенных заводах было занято 3,1 млн человек,

к 1917 г. – 3,5 млн человек. На транспорте, в строительстве, связи работало около 3,3 млн человек, в кустарном производстве – 3,5 млн человек. В торговле было занято около 4,5 млн человек, которые трудились чернорабочими, прислужкой, поденщиками, а в сельском хозяйстве – около 5,0 млн человек [2, с. 25]. Конечно, в 1920 г. в РСФСР общая численность пролетариата была намного меньшей, в крупной промышленности она составляла 1 223 тыс. человек. В 1920 г. в ценовой промышленности трудилось не более 58 % рабочих этой промышленности в 1917 г. [2, с. 661, 672].

Факты показывают, что в России в общей массе населения доля пролетариата была очень мала. Между тем, после победы Октябрьской революции руководство большевистской партии, СНК РСФСР свою главную миссию видело в необходимости реализации основных постулатов коммунистической доктрины, касавшихся, прежде всего, идеи диктатуры пролетариата и ее задач, изложенных в «Манифесте коммунистической партии», других трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

С этой целью уже в ноябре 1917 – феврале 1918 г. была предпринята яростная «красногвардейская» атака на капитал. В результате позиции последнего были сильно разрушены: национализирована земля, банки, железные дороги, внешняя торговля, торговый флот, все отрасли крупной промышленности. Для управления промышленностью был организован Высший совет народного хозяйства (далее – ВСНХ), все старые министерства переименованы в комиссариаты; под контролем комиссаров их бывшие чиновники стали советскими служащими. Атака позволила ликвидировать экономическую базу, но она не ставила целью и не могла уничтожить капитализм. Ведь рыночный капитализм – это не только форма функционирования промышленного производства, но и способ цивилизационного бытия человека и человечества. И изменить это бытие одним ударом пролетарского молота было невозможно.

Когда красногвардейский шквал затих, встал вопрос о том, что делать дальше. Требовалось определиться с тем, какую социально-экономическую политику проводить и какой правительственный курс выстраивать в краткой и среднесрочной перспективе. В общем и целом стратегию и тактику этого курса в апреле 1918 г. В. Ленин определил в работе «Очередные задачи Советской власти». В области промышленного производства все было более или менее ясно, так как с точки зрения марксистской доктрины необходимые предпосылки продвижения к социализму были созданы: средства производства находились в руках рабочей власти. Перепись, проведенная в августе 1920 г., установила, что в РСФСР функционировало 396,5 тыс. крупных,

средних и мелких, включая кустарно-ремесленные, промышленных предприятий, из них было национализировано 38,2 тыс. предприятий с числом рабочих около 2 млн, т. е. 70 % всех занятых в промышленности. На ценовые предприятия приходилось 32,4 % занятых. На частнокапиталистических предприятиях (30,7 тыс.) было занято 102,8 тыс. человек, т. е. в среднем на одном предприятии работало более 3 тыс. человек [13, с. 94].

Факты показывают, что в новых условиях власти надо было решить задачу налаживания производственного процесса, определившись с тем, на какой экономической основе должно функционировать промышленное производство: на товарообменной или на рыночной. Стратегически ответ В. Ленина был однозначен: не только промышленное производство, но и распределение произведенной продукции должны быть организованы вне рамок товарообмена и товарно-денежного обращения. И ключевым здесь был вопрос именно о распределении произведенного продукта.

Однако в мировой экономической практике опыта по распределению произведенного продукта вне рамок товарооборота накоплено не было. Между тем был накоплен огромный опыт по управлению промышленным производством в годы Первой мировой войны. Однако механизм биржевой торговли произведенной продукцией сохранялся. Неизменным оставался и механизм акционирования и кредитования промышленного производства.

Только в новых условиях для В. Ленина идея биржевого товарооборота была неприемлемой, поэтому в центре политической повестки дня оказалась проблема сбыта или распределения произведенной предприятиями продукции. По замыслу Владимира Ильича выбор инструментария и путей решения судьбы товарооборота зависел от ответа на вопрос: что есть социалистическое государство? И ответ В. Ленина на этот ключевой для большевистской политики вопрос имел далеко идущие последствия. Владимир Ильич декларировал, что «социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление» [14, с. 185]. Социалистическое государство — это такое государство, в котором «каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной», — провозгласил В. Ленин [14, с. 191]. В апреле 1918 г. на волне победной эйфории для широких партийных масс стратегический курс В. Ленина, его очередные задачи были просты и понятны: повсеместно развернуть коммунарское движение, в городах и селах организовать сеть образцовых коммун, а затем опыт их функционирования постепенно и неуклонно «тиражировать» во всероссийском масштабе. Это и будет строительство социалистического государства и общества.

Тенденции экономического и социального развития общества. В концептуальном отношении смысловое наполнение содержательной части дефиниции «социалистическое государство» определило тенденции экономического и социального развития общества. Во-первых, для того, чтобы очерченная в «Очередных задачах» модель организации производственной и социальной жизни начала «давать всходы и прорасти», необходимо было подготовить экономическую «почву». Своеобразной «теплицей» взращивания, предвестником «зари социализма» должны были стать производственно-потребительские коммуны. Во-вторых, выдвигая на первый план вопрос организационной работы, В. Ленин осознавал, что у рабочего класса нет своего управленческого опыта, этот опыт он не мог приобрести в рамках рыночного хозяйствования. Поэтому в «Очередных задачах» была поставлена задача научиться умению «...практически организовать... ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей... ибо лишь после ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой» [14, с. 173].

Эта задача явилась генеральной линией партийной политики. По замыслу В. Ленина для ее решения предстояло создать властный механизм, способный «железной рукой» навести «железный» порядок на производстве, научить массы беспрекословному повиновению «единой воле руководителей трудового процесса» [14, с. 195, 200, 203]. Руководители на местах должны были заняться созданием коммунарских групп и отрядов, производственно-потребительских коммун, организацией соревнований между коммунарами, ввести отчетность и гласность в процессы производства хлеба, одежды и пр. В апреле 1918 г. В. Ленин предполагал, что решение задачи, налаживание нового хозяйственного механизма займет довольно длительное время, «не недели, а долгие месяцы и годы» [14, с. 192]. Действительно, предлагать обществу такую во многом идиллическую форму социального жизнеустройства, можно было только в расчете на длительный период пролетарской «перековки» жизни всего общества. Надежды на это у большевиков были. Более того, стратегия по разворачиванию коммунарского движения, организации коммун, в том числе в деревнях, строилась в расчете на поддержку со стороны масс. Правительство знало, что в крестьянской жизни сохранились элементы общинного уклада, которые могли стать «переходным мостиком» на пути к созданию сельской общины нового типа — коммунарской, производственно-потребительской.

Вместе с тем тип государства, очерченный в «Очередных задачах», во многом как бы напоминал государство великого Утопа, который, как из-

вестно, привел грубый и дикий народ «к такому образу жизни и такой просвещенности, что ныне они превосходят в этом всех смертных» [15, с. 172]. Ленинский идеал деревенской коммуны также напоминал жизнь крестьян утопийской деревни. «Хотя они вызнали (и даже весьма точно) сколько хлеба съедает город и край, прилегающий к городу, однако сеют они, и скота выращивают гораздо больше того количества, которое доставало бы для собственного употребления; прочее утопийцы делят с соседями. Все, что только им надобно, чего нет у них в деревне, все эти предметы они просят у города и получают их от городских властей безо всяких проволочек, не давая ничего взамен» [15, с. 176].

Некоторое как бы подобие упомянутых типов государств для некоторых исследователей стало побудительным мотивом в культивации идеи утопичности ленинской стратегии. Но такая точка зрения страдает предвзятостью. Страдает по той причине, что стратегический курс на создание нового государства, обозначенный в «Очередных задачах», содержал лишь смутные очертания далекой мечты. Но на деле большевики никакого утопизма в стратегии В. Ленина не видели и не могли видеть. Они не видели утопизма в ленинских предложениях по той причине, что последние не были выдумкой, а опирались на новый хозяйственный механизм. Кроме того, заметим, что в апреле 1918 г. ленинская социально-экономическая стратегия не расходилась с дооктябрьскими наработками. В 1917–1918 гг. в вопросах теории и практики социализма В. Ленин был последовательным. В целом его предложения не выходили за рамки дооктябрьских заявлений, «вписывались» в идею организации правильного обмена между городом и деревней, высказанную на шестом съезде РСДРП(б). В ленинском понимании правильность такого обмена сводилась к ликвидации финансового кризиса путем введения прямого продуктообмена между городом и деревней. Более того, ленинская стратегия учитывала суровые реалии, в которых оказались промышленное производство, транспорт, финансы, расстроены в годы Первой мировой войны. Следует учитывать и то обстоятельство, что, как уже говорилось, большевики уповали на энтузиазм народных масс, полагались на сохранившиеся традиции общинного крестьянского жизнеустройства.

И все же у этой стратегии была «ахиллесова пята». Коренным недостатком, «врожденным» пороком ленинской дефиниции «социалистическое государство» была не только его форма – трудовая производственно-потребительская коммуна в городе и деревне, но и экономическая база такого государства: безраздельная монополизация государством экономики. Проще говоря, В. Ленин ставил знак равенства между социалистическим государством и государственной собственностью на средства производства. Следует отметить и тот факт,

что идеи, изложенные В. Лениным в «Очередных задачах», отражали не только его точку зрения. Эту работу Председатель СНК РСФСР написал по поручению ЦК РКП(б). «Она была обсуждена и одобрена на пленарных заседаниях ЦК РКП(б) и ВЦИК» [1, с. 21], а в дальнейшем стала программным документом для всех организаций РКП(б).

Рассматривая подходы В. Ленина к вопросу строительства советского государства, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание и на такое важное обстоятельство: был ли курс большевистской партии вынужденным, т. е. предопределен и обусловлен на тот момент чрезвычайными обстоятельствами? Сам В. Ленин об этом не говорит, он не акцентировал на этом внимание по той причине, что таких обстоятельств на тот момент вообще не было. К ним можно было бы отнести реальную угрозу Советской власти, большевизму со стороны защитников старого режима: армейского офицерства, широких кругов помещиков и капиталистов, чья власть была свергнута, российских кадетов и либералов и их партий, правых социалистов-революционеров и меньшевиков, части рабочих и крестьян, не поддерживавших большевиков. Однако Гражданская война (понятие весьма широкое), скажем конкретнее, время полномасштабного столкновения между противоборствующими сторонами еще не наступило, а после заключения Брестского мира положение Советской власти в целом стабилизировалось. Лобовое столкновение между большевиками и вооруженной оппозицией, выступившей под флагом белого движения, началось в декабре 1918 г. Даже обострения социальной напряженности в обществе, особенно в деревне, еще не наблюдалось. Ведь курс на организацию комбедов большевистское руководство начало осуществлять летом 1918 г. в расчете на то, что уже к концу августа правительство сможет «взять» крестьянский хлеб и снять угрозу голодного пайка для армии и горожан. Этот тезис подтверждается фактами. «Вчера отправилась в производительные губернии экспедиция Витебского продовольственного отдела губсовдепа при охране красноармейцев Варшавского полка из 60 чел. при 5 пулеметах. Цель экспедиции – заготовить хлеб и привезти голодающему населению и Красной Армии. <...> Несмотря на крайне тяжелые условия, ввиду теперешних обстоятельств, экспедиция не теряет надежды на успех» [16, с. 321], – сообщалось 26 июля 1918 г. в «Сводке организационно-информационного подотдела Отдела управления Обл-искомзапа об организации комбедов и борьбе с кулачеством в Витебской губернии». В апреле 1918 г. социального напряжения, связанного с крайне тяжелыми условиями и угрозой голода, еще не ощущалось. Значит, в то время фактор «чрезвычайного положения» не оказывал давления на ЦК РКП(б), он отсутствовал. Поэтому более поздние ссылки большевистских вождей на этот фактор и вынуж-

денность принимавшихся чрезвычайных мер лишены основания.

В «Очередных задачах» В. Ленин призвал своих партийцев «учиться управлять». При этом ЦК РКП(б) надо было «смастерить» механизм такого управления. Возникал вопрос: на демократической или приказной основе его вводить? Над этой дилеммой большевики не размышляли. Ибо для них понятия «диктатура пролетариата» и «социалистическое государство» стали синонимами, они допускали один вариант властвования — централизованный, единоначальственно-приказной по схеме: одна партия — один вождь — один партийный руководитель на местах. Для того чтобы «связать» этот механизм с интересами рабочих, В. Ленин, опираясь на классовый принцип, «окрестил» его демократическим рабочим централизмом, что соответствовало духу железного единоначалия, стало нормой политической культуры, уставным правилом РКП(б). Таким образом, анализ исторических источников позволяет сделать вывод, что в *самый ранний* послеоктябрьский период идея прямого перехода к строительству социалистических начал государства и общества явилась закономерным и неизбежным следствием экономической политики руководства ЦК РКП(б). Следовательно, есть все основания назвать форму экономического и социального жизнеустройства общества и государства, присущую периоду ноября 1917 — февраля 1921 г., *ранним пролетарским социализмом*.

Другое дело, что разразившаяся Гражданская война привнесла специфику и определила отличительные особенности проекта. В городах спецификой раннего пролетарского социализма стали организация производственно-потребительских коммун, попытка ликвидации товарного оборота, переход на практически полное обеспечение государством потребительских запросов коммунаров.

Положение в деревне, где новой власти предстоял перевод землепользования на рельсы производственного коммунизма, было иным. Ситуация осложнялась земельным вопросом. В концептуально-правовом отношении он был решен, в ноябре — декабре 1917 г. помещичье землевладение было ликвидировано, а к весне 1918 г. в Советской России практически закончился новый земельный передел. Закончился он и в Советской Беларуси, но для основной массы сельчан его итоги были неутешительными. Белорусская деревня не смогла преодолеть бедность. В 1920 г. в Витебской и Гомельской губерниях, входивших в состав РСФСР, доля хозяйств, имевших до 2 десятин пахотной земли, составила 55,7 % от общего количества крестьянских хозяйств [17, с. 214].

Политическое положение осложнялось и тем, что партнеры по правительственной коалиции — левые эсеры, под влиянием которых находились волостные Советы, вовсе не собирались отдать де-

ревню «на откуп» большевикам. Согласно отчету заведующего бюро коммун Витебского губернского земельного отдела Шульца «О работе отдела по состоянию на 1 декабря 1918 г.» «вплоть до лета 1918 г. в губернии вся работа по проведению в жизнь аграрной реформы находилась в руках левых эсеров» [18, с. 42]. И в других губерниях землеустройством преимущественно занимались левые эсеры. Поэтому совершенно естественно, что в мае 1918 г. из 617 волостных Советов 14 губерний Европейской России 53,7 % получали финансовые ресурсы на свои нужды путем подесятинных сборов со всех дворов, 13,1 % — от продажи конфискованного помещичьего имущества и леса, и только 21 % волостных Советов — от налогов и контрибуций с сельской буржуазии [2, с. 379], т. е. только 1/3 Советов находилась под контролем большевиков. Как показывают факты, вопрос был «горящим» и продиктованным тем, что в губерниях становление власти Советов затягивалось. «Проезжая по деревням и селам уезда, из разговоров с крестьянами, я заключил, что последние мало имеют понятия о Советской республике и о советах вообще, советы деревенские и сельские большинство сформировано из людей мало опытных с настоящим делом и положением, а потому они совершенно бездействуют; между прочим, как видно, большинство из них живут на старый Николаевский лад, а почему? Да потому, что остались в деревне старосты и десятские и тому подобные должностные лица, как было при царизме», — докладывал 26 августа 1918 г. властям Нижегородской губернии порученец Нижегородского губвоенкомата о положении дел в Воскресенском уезде (сохранена стилистика источника. — Н. С.) [19, с. 64]. Вести из белорусских губерний также были неутешительными. В январе — феврале 1918 г. на неоккупированной территории Беларуси было образовано 128 волостных Советов. Однако Могилёвский губернский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский уездные Советы «рассматривали большевиков как захватчиков власти и призывали крестьян к решительной борьбе с ними» [10, с. 57]. Такие Советы создавались и в Витебской, и во многих других губерниях. Поэтому для новой власти июнь и июль 1918 г. во всех отношениях были критически тяжелыми. И для того чтобы удержать власть, создать в волостях надежную пролетарскую опору, правительство опубликовало комбедовский декрет [16, с. 35].

Однако, опираясь на крестьянскую поддержку, лидер левых эсеров М. Спиридонова решила «дать бой». Она обвинила руководство СНК РСФСР в предательстве интересов крестьянства, насаждении продовольственной диктатуры, комитетов бедноты [20, с. 75]. Для того чтобы уладить дело, было решено в начале июля 1918 г. созвать V Всероссийский съезд Советов. Третью часть его делегатов представляли левые эсеры, которые в дни работы съезда решили захватить власть. После подавления мятежа

влияние большевистской политики в деревне усилилось. К концу 1918 г. в состав комбедов центра РСФСР вошло не менее 300 тыс. крестьян-бедняков [1, с. 95]. В Беларуси организация комбедов повсеместно проводилась методом революционного декретирования, что подтверждается сведениями из протокола собрания представителей деревенской бедноты Верховской волости Витебского уезда. Согласно этому документу выборы комбеда состоялись 20 июля 1918 г. следующим образом. Представитель Витебского губсовотдела тов. Толяренко «указал, для чего организуется союз и что он должен делать», затем собравшиеся «приступили к выборам волостного комитета бедноты», в состав его президиума было избрано 3 человека. Комбедовцы немедленно приняли решение «собранный хлеб с полей распределить по известной норме, излишек же привезти на ссыпной пункт, где будут указаны волосным комитетом цены». Решили у кулаков хлеб реквизируют бесплатно, а лиц, скрывающих хлеб, предать суду, всех помещиков, выселить с насиженных мест, всем обученным солдатам немедленно прийти в военный комиссариат [16, с. 227]. Анализ решений, принимавшихся комбедами, показывает, что на локальном уровне все вопросы повестки дня проводились в жизнь методом приказных постановлений, что позволяло оперативно реагировать и быстро выполнять ленинские декреты. Всего в БССР было создано 125 волостных и 3 250 сельских комбедов [21, с. 143]. Для большевиков создание комбедов имело принципиальное значение. В марте 1919 г., давая оценку решению о создании комбедов, В. Ленин констатировал: «...когда стали организовываться комитеты бедноты, – с этого момента наша революция... не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а на деле стала пролетарской» [22, с. 143–144]. По В. Ленину «наша революция» на деле стала пролетарской еще и потому, что именно в деревнях-коммунах в соответствии с большевистскими воззваниями, комбедовские активисты были призваны «осуществить царство социализма, братства и свободы» [19, с. 121].

Вместе с тем руководство ЦК РКП(б), учитывая крестьянский консерватизм и территориальный масштаб России, осознавало, что реализация идеи строительства деревень-коммун потребует значительного времени. При этом большевики не сбрасывали со счетов фактор классовой борьбы, не надеялись, что строительство социалистического государства будет осуществляться в условиях мирного времени. Об этом свидетельствует выступление В. Ленина на V Всероссийском съезде Советов. Исходя из факта левозэсеро-восстания, руководство ЦК РКП(б) укрепило в мысли: строить новое государство придется в условиях острого классового противостояния. На этот счет В. Ленин заявил: «Но глубоко ошибается тот, кто думает, что социализм можно строить в мирное спокойное вре-

мя: он везде будет строиться во время разрухи, во время голода, так и должно быть, и, когда мы видим представителей настоящих идей, тогда мы говорим себе: всеми тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч рук рабочие и трудящиеся крестьяне взялись за постройку нового, социалистического здания. <...> Повторяю, социализм никогда не удастся строить в такое время, когда все гладко и спокойно, социализм никогда не удастся осуществить без бесшумного сопротивления помещиков и капиталистов» [23, с. 501, 505].

В докладе, учитывая состав аудитории, а многие делегаты слабо разбирались в вопросах социализма, В. Ленин уделил этой проблеме значительное внимание, вновь повторил, «социализм из области догмы, о которой могут говорить только совсем ничего не понимающие люди, из области книжки, программы перешел в область практической работы. Вот теперь своей рукой рабочие и крестьяне делают социализм. Прошли и для России, я уверен, безвозвратно прошли, те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту. <...> Каждый месяц такой работы и такого опыта стоит десять, если не двадцать лет нашей истории. <...> Мы еще ничего готового не создали, мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем. <...> Ибо именно путем частичных неудач и ошибок мы на опыте научаемся строить социалистическое здание» [23, с. 498–499, 501], – заявил В. Ленин. Судя по деятельности комбедов и коммунаров, ленинские заявления соответствовали жизненным реалиям.

В докладе, учитывая сложившееся положение в области хлебных сборов, необходимость налаживания тотального учета и контроля, В. Ленин объявил и о ближайших экономических мероприятиях: «Мы установим правильные ставки на товары, установим монополию на хлеб, на мануфактуру, на все продукты, и тогда народ скажет: “Да, распределение труда, распределение хлеба и продуктов, которые нам дает социализм, лучше, чем было прежде”, – и это народ начинает говорить» [23, с. 510]. В целом большевики получили поддержку съезда практически по все заявленным направлениям. И прежде всего по вопросу о создании сельскохозяйственных коммун. На эти цели Комиссариат земледелия ассигновал 10 млн руб. [23, с. 512].

Таким образом, стратегия радикальных мер, призванных защитить интересы рабочих и беднейшего крестьянства, была продиктована стремлением руководства ЦК РКП(б) не допустить дискредитации и падения диктатуры пролетариата. Вполне закономерно, что под флагом защиты революции, такая стратегия могла быть только радикальной и диктаторской, в том числе и в отношении экономической политики. Радикализм предложенных мер и вскоре реализуемой их системы был обуслов-

лен введением тотальной продовольственной разверстки, предпосылки к которой фактически были созданы еще до октября 1917 г.

Продовольственные комитеты и хлебная монополия. В российской советской историографии этому вопросу уделялось внимание, особенно изучению «путей и форм государственно-монополистического регулирования в сфере продовольственного снабжения» [24, с. 36–37]. Временное правительство, учитывая роль продовольственного фактора в февральских событиях 1917 г., стремилось улучшить продовольственное снабжение промышленных центров и армии. Одним из первых решений новой власти было создание 9 марта 1917 г. Общегосударственного продовольственного комитета, в состав которого вошли не только правительственные чиновники во главе с Министром земледелия, но и представители Совета рабочих и солдатских депутатов, представители Совета крестьянских депутатов, предприниматели.

Вслед за этим 25 марта 1917 г. при непосредственном участии депутатов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был подготовлен Закон о передаче хлеба в распоряжение государства. Хлебные ресурсы с момента взятия на учет были объявлены собственностью государства. Процедура сдачи, сроки приема хлеба на учет определялись местными продовольственными комитетами. Инструкциями Общегосударственного продовольственного комитета, утвержденными в Министерстве земледелия, были определены формы своеобразной контрактации хлебных заготовок, при этом приоритет отдавался кооперативным учреждениям и общественным организациям. Принятие хлебного закона сопровождалось введением в действие Временного положения о местных продовольственных органах, в губерниях, уездах и волостях были созданы продовольственные комитеты [24, с. 37–38].

Однако реализация закона о хлебной монополии на деле проходила достаточно сложно, прежде всего, по причине затягивания сроков создания продовольственных комитетов на местах. Поэтому торгово-предпринимательский бизнес из состава владельцев предприятий мукомольной промышленности, оптовых торговых складов по-прежнему требовал от правительства придерживаться принципа «свободной торговли» и занимался спекулятивной скупкой и продажей хлебной и иной продовольственной продукции. Торгово-посредническая деятельность спекулятивного капитала вызывала недовольство всего населения, особенно крестьянства, в некоторых губерниях, уездах и волостях крестьяне отказывались продавать хлеб частному капиталу. В ответ на претензии и крестьянское сопротивление представители бизнеса Временному правительству прямо заявляли: если новая власть возьмет в свои руки производство, обмен и распределение хлебных ресурсов, то такая революция народного хозяйства

возможна лишь при уничтожении капиталистического строя. Ясно одно: закон о государственной монополии на торговлю хлебом выполнялся далеко не в полной мере. Поэтому, несмотря на все усилия, обуздать рыночную стихию и наладить действенную, работающую систему производства и обеспечения тыла и фронта продовольственной продукцией Временному правительству не удалось. Очень красноречивой в этом отношении была записка Главного интендантского управления от 18 сентября 1917 г. «О мероприятиях по устранению неизбежного в Действующей армии голода». В другом документе констатировалось, что к началу октября 1917 г. поставки продовольствия для нужд фронта за первую половину сентября 1917 г. по муке были выполнены на 13 %, по крупам – на 11,6, по зерновому фуражу – на 15,4 % [24, с. 45]. Таким образом, факты свидетельствуют о том, что еще до октября 1917 г. в России были созданы предпосылки для реализации идеи государственной монополии на заготовку и распределение хлеба и хлебной продукции, как на, так и вне рыночной основы.

Становление командно-административной системы власти и управления. В месяцы «красногвардейской» атаки на капитал В. Ленин уделял огромное внимание армейскому вопросу. Вплоть до лета 1918 г. армия строилась на добровольных началах и в основном из рабочих. Первый армейский корпус создавался в Петрограде. В феврале 1918 г. рабочие многих заводов в полном составе вступали в ряды добровольцев, и к началу марта 1918 г. в армию записалось 22 тыс. рабочих Петрограда. В Москве, Смоленске и других городах таким же путем происходило формирование добровольческих соединений, и к началу апреля 1918 г. Красная Армия насчитывала 150 тыс. штыков, в основном рабочего люда [25, с. 168–169]. В мае 1918 г. в Красной Армии служило 306 060 человек, из них добровольцами записались 250 тыс., в красногвардейском строю насчитывалось 34 тыс. бойцов [7, с. 88].

Практика добровольчества показала: рабочим нужны не только военные командиры. Поэтому в апреле 1918 г. был учрежден институт красных комиссаров [25, с. 169]. В соответствии с партийными директивами в армии красные комиссары стали «носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели» [26, с. 65], т. е. они стали политическими вождями армейской массы. Добровольное армейское движение не оставило в стороне и крестьянство, правда, в солдатские батальоны записывали только крестьянскую бедноту. Однако привлечение крестьянства требовало особого внимания со стороны власти. Ведь весной 1918 г. часть крестьян, особенно из числа демобилизованных, была занята на весенне-полевых работах, ремонте и восстановлении своих домовладений, пришедших в упадок за годы войны.

Приходилось принимать в расчет и тот факт, что в соответствии с «Декретом о земле» и перераспределением земельных участков количество бедноты сократилось, но эта категория крестьянства в деревне не только сохранилась, но и количественно увеличивалась. Поэтому для постоянного надзора и организованного набора крестьян 8 апреля 1918 г. был издан декрет СНК РСФСР об учреждении института волостных военных комиссаров. Издан-то он был, но вот его реализация встретила сопротивление со стороны части крестьянства. Для организации института военных комиссаров требовалось решение крестьянских собраний. Такое собрание было создано в Семёновской волости Нижегородской губернии. «Волостное собрание, заслушав разъяснение Сергачского уездного совдепа от 27 июня 1918 г. за № 518 о необходимости создания волостного военного комиссариата... постановило: от создания военного комиссариата в волости отказаться» [19, с. 62]. «В последнее время целый ряд волостных Советов под влиянием тех или иных причин отказался образовать у себя волостные военные комиссариаты» [19, с. 62], – сообщал 26 июля 1918 г. в президиум Нижегородского губисполкома председатель отдела гражданского управления. Не лучше обстояло дело и в других губерниях.

Факты показывают, что реализация решений пролетарской власти наталкивалась на сильное по терминологии В. Ленина мелкобуржуазное крестьянское сопротивление. Организационно-политическим инструментом его подавления стали комитеты бедноты. 11 июня 1918 г. власти опубликовали декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) и СНК РСФСР «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». Параграф 1 декрета гласил: «Повсеместно учреждаются волостные и сельские комитеты деревенской бедноты» [16, с. 35]. И вовсе не случайно их деятельность направлялась Наркоматом продовольствия. Еще 13 мая 1918 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О предоставлении чрезвычайных полномочий народному комиссариату продовольствия по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующих ими» [16, с. 8]. Комбеды и были призваны к выполнению всех мероприятий этого комиссариата. Непосредственное участие они принимали в формировании крестьянских добровольческих соединений Красной Армии, и к июлю 1919 г. в них состояло около 40 тыс. человек [27, с. 40]. Формированием новых структурных институтов были охвачены и белорусские уезды, и губернии. В соответствии с отчетом Чаусского укома РКП(б) к концу декабря 1918 г. комитетами деревенской бедноты был «охвачен весь район Чаусского уезда, за исключением малозначущих деревень» и Чаусская партийная организация «приступила

к формированию коммунистической роты из более стойких и преданных коммунизму людей» [16, с. 209].

Поддержка военного строительства беднейшим крестьянством дала возможность уже летом 1918 г. вернуть на производство часть рабочих-добровольцев. В итоге их опыт был востребован руководством РКП(б) в процессе перестройки партийной жизни на военный лад, организации труда на промышленных предприятиях.

Анализ изложенных фактов указывает на наличие противоречивости в ходе строительства Красной Армии. С одной стороны, большевики культивировали принцип добровольности, пролетарской классовости и сознательности в рекрутировании солдатской массы. Но надежды, возлагавшиеся на добровольчество и сознательность, не привели к созданию массовой армии. Более того, столкнувшись с реалиями армейской службы, руководство ЦК РКП(б) убедилось в необходимости армейского строительства на принципах призыва, единоначалия, железной армейской дисциплины. С другой стороны, отказ от добровольчества и учреждение повинности означал только одно: по социальному составу Красная Армия становилась преимущественно крестьянской. К концу гражданской войны в ее составе служило 77 % крестьян, рабочие составляли 15 % воинского контингента, 8 % солдат являлись представителями других социальных групп [7, с. 88].

В пролетарском государстве классовым противоречием подобного типа было охвачено строительство институтов власти и управления в уездах, губерниях, наркоматах, причем на всех «этажах». Такие же процессы протекали и в области партийного строительства. «Это противоречие, стоящее перед нами в вопросе о Красной Армии, стоит и во всех областях нашего строительства» [22, с. 140], – констатировал В. Ленин. В процессе партийного строительства оно преодолевалось прямолинейно. В марте 1919 г. во второй программе РКП(б) в разделе «Централизм и дисциплина» содержалось требование перестройки всей партийной жизни на военный лад. «Партия находится в таком положении, когда строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью... в партии в данную эпоху необходима прямо военная дисциплина. Все предприятия партии, подпадающие централизации... должны быть в интересах дела централизованы» [26, с. 74]. Таким образом, перестройка на военный лад институтов власти и управления, организационно-партийной, общественно-политической и иной деятельности всех структур правившей партии стала решающим фактором, определившим трансформацию РКП(б) в полувойсковую общественную организацию. Фатальная неотвратимость централизации, внедрение инструментария командного стиля управления предподре-

делили истоки и корни дальнейшей бюрократизации внутрипартийной жизни, системы государственной власти, постепенное отмирание живых начал общественно-политической жизни. Анализ фактического материала дает возможность сделать вывод и о том, что взаимоотношения между обществом и властью в целом выстраивались на основе пролетарской политической культуры. На базе ее ценностей и традиций стало возводиться здание командно-административной системы власти и управления.

Государство и общество раннего пролетарского социализма. Как правило, у руководства ЦК РКП(б) политические декларации не расходились с практическими делами. Стратегический курс, определенный в «Основных задачах», обретал реальные очертания. Этому способствовали объективные факторы, прежде всего расслоение крестьянства и рост деревенской бедноты. К группе крестьянской бедноты относились хозяйства с посевом от 1 до 2 десятин. Группа хозяйств без лошадей и коров (нищие), с посевом до 1 десятины в 1917 г. составляла 10,6 %, в 1920 г. она возросла до 17,9 % от общего количества хозяйств. Удельный вес группы хозяйств бедноты с посевом от 1 до 2 десятин в 1917 г. составлял 18 %, в 1920 — 27,2 %. В целом за 1919–1920 г. удельный вес бедноты выросла до 45 % от общего количества крестьянских дворов. В 1920 г. в РСФСР, несмотря на неоднократные земельные переделы, удельный вес бедняцко-батрацких хозяйств составил 35–40 % [28, с. 132, 240].

Положение дел в сельском хозяйстве руководство СНК РСФСР знало, как и то, что социальная база для организации коллективных хозяйств была достаточно широкой. Поэтому вполне закономерно, что преодоление бедности ему виделось на пути перехода к коммунаским формам землепользования.

Начиная с апреля 1918 г., по всей стране развернулась работа по организации в деревнях производственно-потребительских коммун, трудовых товариществ и сельскохозяйственных обществ. «Коммунаризация» аграрного производства преследовала стратегическую цель — «на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли» [29, с. 372]. В ноябре 1918 г. для практической помощи коммунаскому движению был создан финансовый фонд в размере 1 млрд руб. В феврале 1919 г. было утверждено «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», и к декабрю 1919 г. в Советской России было зарегистрировано более 2 тыс. коммун [29, с. 372, 378, 522]. На 1 декабря 1920 г. в РСФСР было взято на учет 11 750 колхозов, которые объединяли более 775 тыс. едоков, колхозам принадлежало более 1,7 млн десятин земли. По сравнению с коммунами положение крестьянства в колхозах было тяжелым. В среднем на один колхоз приходилось 60 человек, из них 36–38 трудоспособных. Но были

и крупные хозяйства, насчитывавшие несколько сот человек, на учете стояли и совсем мелкие, объединявшие 20–30 человек. Однако степень обобществления средств производства в колхозах была низкой. Больше всего обобществлялись земельные наделы: 35 % засеянных земель и 27 % пашни, находившейся под паром. Гужевая тягловая сила, домашний скот обобществлялись редко, так как этому мешало отсутствие материальной базы: коровников, телятников, конюшен, но главным препятствием было упорное нежелание крестьянства расстаться со своей собственностью [28, с. 241–246]. Существенной преградой на пути обобществления скота стали реквизиции лошадей, свиней, другого скота в пользу Красной Армии. Факты показывают, что в 1920 г. на нужды армии направлялось 60 % реквизированного по продразверстке мяса, 40 % сахара, 40 % жиров, 100 % табака [13, с. 93]. Поэтому в колхозах наблюдался острый недостаток гужевой тягловой силы, на одного члена артели приходилось менее одной лошади. В 1920 г. в колхозах 45 российских губерний не хватало 90 % свиней, 89 % овец и коз, 83 % коров, 53 % рабочих лошадей. Кроме того, колхозы оказывали помощь бедноте и семьям красноармейцев, отчисляли часть доходов на общественные нужды: на бесплатные детские столовые в городах, на помощь приютам для престарелых и инвалидов, больницам и др. [28, с. 245–245, 252]. Препятствовала налаживанию артельной жизни и позиция государства, со стороны которого колхозы не получили приоритета, поэтому экономическая и кадровая помощь власти была недостаточной. По этой причине во многих артелях царил бесхозяйственность, отсутствовала приходно-расходная документация, а сами хозяйства числились только «на бумаге».

В отличие от колхозов коммуны пользовались статусом государственного приоритета. По закону коммуны наделялись землей и инвентарем конфискованных помещичьих имений. Они располагали большими, по сравнению с колхозами, земельными участками. На 1 января 1921 г. в среднем на одну коммуну приходилось 117 десятин земли, а на 1 колхоз — 96 десятин [28, с. 88].

В Беларуси, разделенной Первой мировой войной, проводить социально-экономические преобразования было значительно сложнее. Тем не менее и в Советской Беларуси I съезд Советов БССР 4 февраля 1919 г. принял решение о переводе сельского хозяйства на рельсы социалистического землепользования, внедрения коммунаских и совхозных форм хозяйствования [10, с. 50]. 6 марта 1919 г. в резолюции Объединительного съезда Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии и Коммунистической партии (большевиков) Литвы содержалась директива «В каждой волости организуются советские хозяйства, которые должны быть сельскохозяйственными фабриками и образцовыми хозяйствами» [18, с. 54].

Контент-анализ документальных материалов показывает, что организацию труда на таких фабриках-коммунах в классически марксистском научном понимании никак нельзя характеризовать «коммунистической». Она несла на себе отпечаток общинного уклада жизни и соответствовала понятию «коммунаризм», присущему бытовому сознанию, например, крестьянства того времени. В соответствии с «Договором об организации сельскохозяйственной коммуны», заключенном 4 июля 1918 г., гражданами д. Верхнее Бешенковичской волости Лепельского уезда Витебской губернии «обработка земли, скотоводство и вообще сельскохозяйственные работы ведутся сообща, как бы в одной семье, урожай складывается в коммунарские склады. Приготовление пищи, рабочей одежды, устройство мастерских производится коммунально, сообща... <...> Личной собственности в коммуне не имеется, а все приобретенное имущество считается общим достоянием коммуны» [18, с. 26].

В деле продвижения волостного коммунаризма большевики проявляли настойчивость, но чтобы усилить контроль со стороны пролетарской диктатуры, создавали в коммунах партийные ячейки. Согласно «Отчету бюро коммун Витебского губернского земельного отдела» за IV квартал 1918 г. в губернии было создано около 50 коммун и свыше 30 коммунистических советских хозяйств [18, с. 44]. В феврале 1919 г. в губернии уже насчитывалось около 80 коммун и 30 совхозов, в которых было занято до 12 тыс. трудового населения, в этих хозяйствах были организованы партийные ячейки [18, с. 49–50]. В целом к январю 1919 г. в 13 уездах Беларуси насчитывалось 175 коммун, 36 артелей и 75 товариществ по совместной обработке земли [21, с. 143].

Коммунарам, которыми руководили коммунисты, оказывалась всяческая поддержка. Уже в период организационного становления всем коммунам Городокского уезда Витебской губернии в период подготовки к весеннему севу 1919 г. было выделено 200 лошадей и все эти коммуны получили десятилетнюю кредитную помощь в размере от 10 до 47 тыс. руб. [18; 5, с. 62–66]. Коммунарам были выделены средства механизации сельского хозяйства: сепараторы, железные плуги, бороны, культиваторы и др. [18; 5, с. 87].

Политика коммунаризации, создания промышленных и аграрных фабрик предопределила направления практической политики по преодолению противоречий товарообмена и созданию предпосылок к «отмене денег». Действительно, зачем городским и деревенским коммунарам, у которых нет собственности, денежные средства? По ленинскому замыслу, все необходимое они должны были получать от государства. Поэтому постулаты второй программы РКП(б) (март 1919 г.) ставили задачу по замене торговли «плановым, организованным

в общегосударственном масштабе распределением продуктов» [26, с. 55]. Соответственно, новой власти предстояла организационная работа по созданию «распределительных» структур. Еще в «Очередных задачах» было определено, что такими структурами, инструментом реализации программной задачи станут кооперативы. Декрет «О потребительских кооперативных организациях», принятый СНК РСФСР 10 апреля 1918 г., предписывал кооперативам обслуживать все население по одинаковым ценам. Затем 16 марта 1919 г. был принят декрет «О потребительских коммунах», согласно которому все кооперативы реорганизовывались в единые распределительные органы – потребительские коммуны [30, с. 27, 30]. И уже через год на IX съезде РКП(б) (29 марта – 5 апреля) 1920 г. органы потребительской кооперации характеризовались как охватывающие «все рабочее и крестьянское население в целом» [26, с. 171]. По состоянию на 1 ноября 1920 г. кооперативы охватили большую часть обобщественного товарооборота [13, с. 153].

Помимо осуществления широкомасштабных организационных мероприятий требовалось провести «настройку» финансовых инструментов, ведущих к «отмене денег». В этом плане акции начали осуществляться в IV квартале 1918 г. В октябре 1918 г. руководство СНК РСФСР планировало, что «все виды вознаграждения за работу, для полного вытеснения денег, должны будут выдаваться не на руки, а зачисляться в определенных расчетно-трудовых единицах на текущие счета соответствующих лиц и выдаваться путем списания сумм по чекам, представляемым в государственные и кооперативные магазины. Поэтому необходимо дать каждой деревне и каждому кварталу города такую народно-расчетную кассу» [31, с. 10–13]. С августа 1919 г. прекращалось кредитование промышленных предприятий, они переводились на контрольно-распределительное или сметное финансирование [32, с. 132]. Переход на смету означал безвозмездную передачу заводам денежных средств [31, с. 8–11]. Такая политика приводила к тому, что в жизни рабочих значимость денежной заработной платы постоянно падала. В 1918 г. денежный заработок промышленного рабочего в месячном исчислении (в переводе на валюту 1913 г.) составил 4 р. 73 коп., в 1919 г. – 1 р. 40 коп., в 1920 г. – 49 коп., против 18 руб. 30 коп. в 1917 г. Объем обеспечения рабочих посредством безденежных выдач с 1917 по 1920 г. возрос с 1 руб. 90 коп. до 6 руб. 11 коп. В последний год гражданской войны денежная часть среднемесячной заработной платы фабрично-заводского рабочего составила всего 7,4 %, а натуральная – 92,6 % [13, с. 98, 222].

Однако этого было недостаточно. Как уже говорилось, большевикам требовался властный механизм, способный научить массы беспрекословному повиновению единой воле руководителей. Такой механизм был создан. Все решения, прини-

мавшиеся СНК РСФСР и съездами РКП(б), проводились в жизнь через местные Советы, комбеды, ВСНХ и их органы, созданные в уездах и губерниях. «Все губернские, районные, уездные отделы, организации и учреждения “главков” и “центров” входят в соответствующий совнархоз. Губсовхоз объединяется с губземотделом под общим руководством губернского исполнительного комитета. Райсовхоз – с уземотделом под общим руководством уездного исполнительного комитета» [26, с. 139]. Пролетарская доктрина требовала строго классового отношения к кадровому вопросу. Руководство ЦК РКП(б), опираясь на принципы классовой политики, формировало кадровый потенциал всех властных этажей. Поэтому руководящие органы комплектовались преимущественно рабочими, которые, как правило, состояли в РКП(б). Факты показывают, что руководящие органы президиумов ВСНХ и губсовнархозов были укомплектованы рабочими на 57,2 %, в коллегиях главных управлений (отделы, главки, центры) рабочие составляли 51,4 %, в составе фабрично-заводских управлений – 63,5 %. Такое же положение сложилось и в наркоматах, например, в губернских продовольственных комиссариатах 50,0 % составляли рабочие, в губернских коллегиях рабочие занимали 60,0 % мест [13, с. 95]. Бесспорно, классовый принцип, положенный в основу кадровой политики, оказывал решающее влияние на взаимоотношения между обществом и властью, что создавало социальные предпосылки и в значительной степени предопределило становление нового типа политической культуры – пролетарской политической культуры с присущими ей ценностями и традициями.

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что в концептуальном, стратегическом отношении финансовая политика СНК РСФСР с самого начала была нацелена на ликвидацию кредитных институтов и их замену централизованным управленческо-распределительным механизмом. Именно на функционировании такого хозяйственного механизма базировалась одна из коренных задач второй программы РКП(б) в области экономической: «максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану» [26, с. 50]. В этом документе огромное значение придавалось коллективизму, говорилось, что «социалистический способ производства может быть упрочен лишь на основе товарищеской дисциплины трудящихся, их максимальной самостоятельности» [26, с. 51]. Более того, в соответствии с классовым принципом понятия «избирательная единица» и «основная ячейка государства» обрели новое, пролетарское содержание. «Советское государство сближает государственный аппарат с массами тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фа-

брика)» [26, с. 44], декларировалось во второй программе РКП(б).

Анализ документального материала показывает, что помимо создания материальных предпосылок к внедрению вне товарного обращения предметов потребления, ЦК РКП(б), правительство РСФСР огромное внимание уделяли созданию духовно-ценностного базиса, необходимого для функционирования нового способа производства. Эту миссию осуществляло чиновничество, государственный аппарат, партийные функционеры. В большинстве своем чиновниками становились бывшие рабочие, выбор которых пал на классовую организованность, пролетарское товарищество, коллективизм. Для большевиков, особенно в контексте апрельской 1919 г. инициативы рабочих депо Москва-Сортировочная Казанской железной дороги, решивших в субботу сверхурочно и бесплатно отработать 6 часов, все плюсы нового ценностного базиса были очевидны. Но они закрывали глаза на его оборотную, негативную сторону. Дело в том, что состоятельность, мобилизующий и созидательный потенциал любой системы ценностей проверяется ее способностью стать одним из рычагов экономического развития. В процессе проверки социальной практикой стала очевидной полная неспособность новой системы ценностей стать движущей силой экономического развития.

Фактор неспособности проявился в культивировании всеобщей трудовой повинности. Даже К. Маркс и Ф. Энгельс понимали, что пролетарское товарищество и коллективизм играют важнейшую роль в политической борьбе, сплочении пролетариата, но они не уповали на то, что эти ценности станут основным побудительным мотивом трудовой деятельности рабочих. Поэтому в «Манифесте Коммунистической партии» предложили ввести «одинаковую обязанность труда для всех, учредить промышленные армии, в особенности для земледелия» [33, с. 54]. Политика трудовой повинности последовательно и целенаправленно проводилась в жизнь. В директивах VIII съезда РКП(б) идея трудовой повинности нашла воплощение в поголовной мобилизации всего трудоспособного населения [26, с. 51], в резолюции IX съезда РКП(б) – в требовании «с самого начала правильно поставить массовые мобилизации по трудовой повинности», в «применении трудовых армий» [26, с. 153, 162]. «Ввиду того, что значительная часть рабочих, в поисках лучших условий продовольствия, а нередко и в целях спекуляции, самовольно покидает предприятия», руководство СНК РСФСР объявило суровую борьбу трудовому дезертизму вплоть до заключения таких элементов в концентрационный лагерь [26, с. 162]. На то были веские причины, так как масштабы трудового дезертизма были впечатляющими. В 1919 г. в стране насчитывалось свыше 1,0 млн безработных [2, с. 660–661].

Милитаризация труда касалась и сельских фабрик-коммун. Уставными положениями сельскохозяйственных коммун и артелей, принятым 13 сентября 1919 г., ставилась задача объединения всех сельскохозяйственных коммун и артелей «в единую организацию, которая будет планомерно проводить общий государственный план народного хозяйства», сплочения трудящихся в этих хозяйствах «в одну дисциплинированную армию труда по примеру всероссийских производительных союзов промышленного пролетариата» [18, с. 73–74].

В итоге милитаризация труда набирала обороты. К концу 1918 г. на военные рельсы был переведен труд транспортной системы, органов продовольственного и военного снабжения Красной Армии, предприятий топливной промышленности, всего более чем 2 тыс. предприятий. Через год, к концу 1919 г., труд 106,8 тыс. рабочих тыловых предприятий и 65 тыс. рабочих прифронтовой полосы был переведен на военные рельсы [13, с. 93]. Волостные коммуны также были аграрным отрядом единой «армии труда».

Таким образом, в ноябре 1917 – феврале 1921 г. в реалиях пролетарского бытия новый способ производства утверждался на принципах пролетарской политической культуры, в соответствии с которыми производственные отношения выстраивались на принуждении наемного персонала к труду. Однако принудительный труд не имел мотивационного механизма. Именно по причине его отсутствия «значительная часть рабочих», недовольных большевистской политикой, «в поисках лучших условий продовольствия» практически не принимала участия в трудовой деятельности своих предприятий.

Отсутствие мотивационного механизма, практическое продвижение коммунаров к «отмене денег» побудило новую власть заботу о потребительских нуждах «основной ячейки государства» – коммунарских коллективов в городах, особенно предприятий, находившихся под патронатом и наблюдением ЦК РКП(б) [26; 16, с. 163], возложить «на плечи» власти. Членам таких трудовых коллективов продовольственные пайки, бюджетные книжки, квартиры, транспортные, коммунальные, медицинские, образовательные услуги, обслуживание в столовых, предметы первой необходимости и т. д. предоставлялись на безвыплатной основе. Вместе с тем полностью и окончательно деньги не были «отменены», функционировал частный сектор, торговые рынки. Следовательно, комплекс указанных социальных услуг предоставлялся государством правящей пролетарской части общества за счет эксплуатации труда другой части общества – крестьянства.

Многие заводские коллективы такая жизнь устраивала. Но на какой расчет опиралась новая власть? Как ни странно, большевистская политика содержала рациональное зерно. Зная общую численность пролетариата, властные верхи полагали,

что прокормить за счет государства относительно небольшое количество едоков вполне возможно. Основные продукты питания выдавались горожанам по нормированным карточкам. Величина нормы зависела от классового фактора. Рабочие тех предприятий, которые находились под контролем ЦК РКП(б), получали высшую норму. Величина так называемых бронированных, или гарантированных продовольственных пайков была достаточно скромной, в январе 1920 г. ее получали более 750 тыс. человек, к декабрю их количество выросло почти в 4 раза [2, с. 655], т. е. составило около 2,8 млн человек. С 1 января 1921 г. эта категория рабочих, их семьи, семьи красноармейцев в городах, партийный аппарат, чиновники, их семьи были переведены на бесплатное снабжение и обслуживание [2, с. 657], проще говоря, на полное государственное содержание. По данным исследователей, в 1920 г. на содержании государства находилось до 38 млн граждан, в том числе около 11 млн обслуживала сеть общественного питания [13, с. 97]. Отслеживая настроения рабочих коллективов, партийного аппарата, командного состава Красной Армии, чиновничества, руководство СНК РСФСР убедилось: в большинстве городов такая система социального жизнеустройства прижилась. По этой причине никаких политических планов, направленных на ее устранение, не было, а разработка альтернативных механизмов хозяйствования не проводилась.

Вместе с тем в процессе осмысления и научной оценки фактов, событий и явлений, присущих социальной жизни периода ноября 1917 – февраля 1921 г., необходимо обратить внимание на весьма существенное обстоятельство. Дело в том, что полное государственное содержание как способ обустройства социальной жизни человека, трудовых коллективов заводов и фабрик характеризовать коммунистическим никак нельзя. Заводские коммунары потребляли не свое заработанное, а жили за чужой счет. Такой способ потребления материальных благ ничего общего с сутью марксистского понятия «коммунизм» не имел. Если дело обстояло именно так, возникает вопрос: на какой основе «родилась» ленинская характеристика, прозвучавшая в марте 1921 г.?

Действительно, в ноябре 1917 – феврале 1921 г. большевистские лидеры, прежде всего В. Ленин, обращаясь к рабочим, крестьянству широко использовали коммунистическую терминологию. Почему? Потому, что руководство СНК РСФСР хорошо осознавало: абсолютное большинство трудящихся не имело понятия о новой системе ценностей. И чтобы новому, пролетарскому миру широко «распахнуть двери», большевистские лидеры мобилизовали всю идеологическую машину, прежде всего прессу. С ее помощью под названием «азбука коммунизма» тиражировали речи на митингах, учебные издания, другую литературу. Не только научным, но и примитивно-житейским, «азбучным» языком пропа-

ганды В. Ленин владел блестяще. И в таком же духе учил молодежь: «Коммунист значит – общий. Коммунистическое общество значит – все общее: земля, фабрики, общий труд, – вот что такое коммунизм» [34, с. 314]. И советовал: «Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку» [34, с. 310–311]. Как показывают факты, в то время примитивный идеологический подход к пропаганде производственно-потребительского коммунизма был в порядке вещей. Поэтому вполне логично и естественно для того времени, что благодаря идеологическому примитивизму, на страницах ленинской «азбуки» понятия «государственное содержание» и «коммунизм» стали практически тождественными.

Эту тождественность, находясь на содержании государства, рабочий люд довольно быстро понял и принял. В отличие от него руководство СНК РСФСР могло, но не хотело понять и осознать социальной закономерности, присущей материализации идеи коммунизма. Могло по той причине, что в «Задачах союзов молодежи» В. Ленин изложил методологический постулат: «Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора» [34; 21, с. 310]. Ergo (с лат. – следовательно), руководству ЦК РКП(б) надо было задаться вопросом: какой проблемой для общества и государства даже в краткосрочной исторической перспективе может обернуться, говоря словами В. Ленина, «сидение пролетариата на диктатуре»?

Вопрос не риторический, а, по сути дела, ключевой в осмыслении причин утраты СНК РСФСР социальной поддержки, так как именно диктатура пролетариата в историческом бытии раннего пролетарского социализма стала решающим фактором того, что рабочий класс из «действительно революционного класса» [33; 20, с. 43] постепенно превращался в свою противоположность – эксплуататора той части общества, которая не являлась пролетариатом. Большевики не предвидели и не могли предвидеть далеко идущих негативных последствий такой социальной трансформации рабочего класса. Мешало примитивно-азбучное отношение к государственному содержанию и его ложное отождествление с коммунистическими формами распределения материальных благ, пропаганда мессианства, социальной исключительности и гегемонизма пролетариата.

В свою очередь, социальные издержки, присущие любым формам как революционных, так и реформистских преобразований, начали подтачивать трудовые отношения, воздействовать на них и функционирование политических институтов. И это также подорвало доверие масс к большевистскому

курсу. Громадной издержкой принудительного хозяйственного механизма периода раннего пролетарского социализма стала материализация социального иждивенчества. Эта форма паразитизма была заложена в самой сути пролетарской диктатуры, как и то, что, рабочие кроме цеховой организованности не имели иных стимулов к высокопроизводительному труду. Ведь они прочно усвоили, что власть обязана предоставить им целый ряд материальных благ и социальных услуг (квартиры, рабочие места, продовольствие, предметы первой необходимости и многое другое) в обязательном порядке, причем бесплатно или за скромную, почти символическую плату. Повторим, если стать на точку зрения исторических реалий того времени, эту форму социального паразитизма и иждивенчества даже и близко коммунистической назвать нельзя.

Крестьянство и продразверстка. Как уже упоминалось, в советской литературе господствовал постулат, что наиболее концентрированно военный коммунизм выразился во введении продовольственной разверстки. Следовательно, в оценки правительственной политики приоритетное внимание необходимо обратить на крестьянство. Как известно, сословия и сословные привилегии были уничтожены еще в феврале 1917 г., тогда же граждане России стали полноправными и свободными. Однако в феврале 1917 г. земельный вопрос в плане нового по крестьянским меркам справедливого передела решен не был. Поэтому в историческом бытии и массовом сознании крестьянства образ раннего пролетарского социализма связывался преимущественно с властью Советов, новым земельным переделом и социально-классовым освобождением. И только. Так как в отличие от пролетариата в социальном жизнеустройстве большинства крестьянства кардинальных изменений не произошло. Сельчане по-прежнему работали на своих земельных наделах, но социальных благ (8-часового рабочего дня, государственного жилья, бесплатных услуг, предметов первой необходимости и многого другого) от власти не получали, а о социальном иждивенчестве и понятия не имели.

«Камнем преткновения», препятствовавшим движению крестьянства в сторону социализма, стала продразверстка. По сути, с экономической точки зрения она означала игнорирование и подавление экономических интересов крестьянства. По концептуальному политическому содержанию продразверстка знаменовала подчинение крестьянства как класса интересам рабочего государства. Она стала зримой формой эксплуатации крестьянского труда государством диктатуры пролетариата, но при этом основная тяжесть эксплуататорского пресса легла на плечи среднего и зажиточно крестьянства. Бесспорно, идеологически для государства, отрицавшего товарообмен, государства, которое реально попыталось наладить крестьянскую жизнь на началах кол-

лективного, по его мнению, социалистического труда, никакой эксплуатации крестьянского труда не существовало. Его не существовало еще и потому, что в 1918–1920 гг. пролетарское государство оказалось перед выбором: или сложить знамена к ногам поверженной в октябре 1917 г. элиты, или победить в горниле развязанной гражданской войны.

В этой схватке все зависело от того, за кем пойдет крестьянство. «Ни одно из белых правительств не оказалось способным создать эффективную структуру власти в районах, находившимся под их контролем. Ни одно эффективно не разрешило назревшие социально-экономические проблемы. Особенно тяжелые последствия имела реакционная аграрная политика, которая была равносильна самой действенной пропаганде против белых» [7, с. 99]. Поэтому крестьянство, опасаясь возврата «реакционной аграрной политики», посчитало продовольственную разверстку формой «откупного платежа» государству за дарованный земельный участок, ликвидацию социального неравенства. Из двух зол крестьяне выбрали, по их мнению, меньшее – продразверстку, что вполне соответствовало тысячелетнему духу крестьянского прагматизма, извечному стремлению народа к свободе. Как ни парадоксально, именно в вопросе защиты от реставрации «старого режима» интересы пролетариата и подавляющего большинства крестьянства совпадали, т. е. ранний пролетарский социализм, несмотря на противоречия и издержки, в стратегическом отношении отвечал интересам трудящегося крестьянства.

Большевики стремились принять во внимание и дух, и интересы, и прагматизм крестьян. Факты показывают, что первоначально в планы СНК РСФСР продразверстка не входила. Однако задание по вывозу из производящих российских губерний в первой половине 1918 г. 230 вагонов продовольствия было провалено, по факту на местах собрали только 15,6 вагонов продовольствия. В результате в январе 1918 г. Москва из всего запланированного объема получила 7,1 %, в феврале – 16,0, в апреле – 6,1, в мае – 5,7 % продовольственных ресурсов [13, с. 101]. Отсутствие в Москве и других городах продовольствия стало одной из «кричащих» причин, вызвавших летом 1918 г. тяжелейшее положение СНК РСФСР. Его лидерам стало ясно, что крестьянство не откликнулось на призыв о добровольной сдаче хлебных излишков. Времени на агитацию не осталось. Инициаторами мощного силового нажима на крестьянство выступили «левые» коммунисты. Они призывали ускорить утверждение в деревне царства социализма [13, с. 107]. Идея получила правительственную поддержку. В 9 мая 1918 г. в волостях с барабанным боем прозвучал приказ: «Объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на ссыпные пункты, а также всех расточающих хлебные запасы на самогонку, врагами народа, передавать Революционному

суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из своей общины» [35, с. 318]. Вслед за этим указанные «враги народа» ощутили мощь удара пролетарского молота, коим стали продовольственные отряды. Большевики стремились ускорить реализацию ленинской концепции, подталкивали деревенскую бедноту, получившую землю, к коммунизму. Именно с этой целью 27 июня 1918 г. В. Ленин заявил, что монополия на хлеб осуществляется одновременно с монополией на мануфактуру и другую потребительскую продукцию «как одно из важнейших средств постепенного перехода от капиталистического товарообмена к социалистическому продуктообмену» [36, с. 430]. В июле 1918 г. он еще раз повторил: «И мы будем идти к социализму через путь хлеба, мануфактуры и орудий, не достающихся спекулянтам, а идущих в первую голову бедноте. Это есть социализм» [37, с. 517].

После этого стало очевидным, что с избранного курса большевики не свернут. В августе 1918 г. явочным порядком почти повсеместно они начали практиковать продразверстку. Были ли хозяйственные основания для ее организации? Безусловно, они были. Дело в том, что, несмотря на принимавшиеся меры, в 1917–1918 гг. у крестьянства скопились продовольственные ресурсы. К началу 1919 г. только на Южном Урале сохранилось около 70,5 млн пудов хлеба из урожая прошлых лет, который поступал на местные рынки для легальной реализации [38, с. 49]. В основу продразверстки был положен принцип долевого обложения. На местах ответственность возлагалась на волостные Советы и сельские общества. [13, с. 174]. Наладка разверсточного механизма, пролетарский удар по врагам народа дали результат: во второй половине 1918 г. было заготовлено 67 млн пудов хлеба (в 2,5 раза больше, чем за первую) [28, с. 131]. В целом разверсточная «подать» на крестьянское хозяйство была существенной. В 1920–1921 гг. в ценностном выражении с каждого хозяйства в потребляющей полосе РСФСР собирали товара на 40,6 руб., в производящей – на 65,0 руб. золотом [13, с. 184]. В натуральном выражении в 1918–1919 гг. правительство собрало 110 млн, а в 1919–1920 гг. 260 млн пудов хлеба [39, с. 285]. Положение на хозяйственном «фронте» значительно улучшилось. Опираясь на эти показатели, в 1921 г. с легкой руки В. Ленина и возникла пропагандистская мифология: «Крестьянство должно было спасти государство, пойти на разверстку без вознаграждения» [40, с. 141].

Другой стороной разверсточного платежа, как не раз говорил В. Ленин, было движение в сторону деревни продукции, производимой крупной промышленностью. Однако организации «правильного продуктообмена» помешали гражданская война, перевод работавшего промышленного производства на военные рельсы и обслуживание нужд фронта

и армии. В это время в РСФСР на нужды гражданского населения направлялось не более 15–20 % всей промышленной продукции [13, с. 92]. В итоге теоретические наработки штаба В. Ленина в силу краха альтернативы товарообмену потерпели поражение. Ведь прямой продуктообмен рассматривался как единственный экономический инструмент строительства новых производственных и социальных отношений. Именно по этой причине большевики не заявляли, что материализация таких отношений – мера временная и вынужденная.

Вместе с тем большевики не стремились применять только диктаторские формы политического властвования. Они понимали: договор с крестьянством куда лучше политического диктата. Поэтому в 1918 г. попытались предложить крестьянству продовольственный налог. Затея провалилась по причине несоответствия налоговой политики концепции прямого продуктообмена. Руководство СНК РСФСР попыталось заручиться лояльностью крестьянства и на VIII съезде РКП(б), когда был принят лозунг «Не смей командовать середняком!», в контексте которого в апреле 1919 г. Владимир Ильич направил всем Советам предписание: «Недопустимы меры принуждения для перевода крестьян к общественной обработке, в коммуны и другие виды коллективного хозяйства» [18, с. 65]. Отказавшись от силового нажима, В. Ленин призвал крестьянство предоставить возможность пролетарскому государству распоряжаться тем продуктом, который оно производило. К такой сделке крестьянство, прежде всего среднее, было не готово. Тогда, руководствуясь ролью пролетариата в деле построения новых производственных отношений, правительство ввело продразверстку. Ее ресурсы и стали, по сути, даровой продовольственной базой, опираясь на которую в городах пролетариат начал возводить здание коммунизма. Контент-анализ материалов VIII, IX, X съездов РКП(б), правительственных декретов, выступлений и докладов В. Ленина в период с апреля 1918 по март 1921 г. показывает, что решение о разворачивании политики *раннего пролетарского социализма соответствовало концептуальной сути, букве и духу пролетарской диктатуры, а потому было закономерным и неизбежным*. «Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелким хозяевам, когда пролетарская революция разворачивается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство мелкобуржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обществу, коллективному, общинному труду. Это теоретически несомненно. Этому переходу мы коснулись в целом ряде законодательных актов» [41, с. 26], – настойчиво и неоднократно декларировал Председатель СНК РСФСР. Следовательно, в ленинской «теоретической несомненности» заключались замысел, цель, стратегическое предназначение продразверстки.

Ибо без ее введения материализация ленинского понимания социализма была немыслима.

Анализируя фактический материал, нельзя оставить без внимания и вопрос о некоторых тактических расхождениях в кругах большевистского руководства. В частности, Л. Троцкий говорил, что его предложение отказаться от продразверстки созрело еще зимой 1919/20 гг. В феврале 1920 г. он направил в ЦК РКП(б) «проект замены продовольственной разверстки хлебным налогом и введением товарообмена». «В начале 1920 г. Ленин выступил решительно против этого предложения. <...> Между тем рабочая масса, проделавшая три года гражданской войны, все менее соглашалась терпеть методы военной команды», – писал Л. Троцкий [43, с. 440–442]. Его утверждение о несогласии рабочей массы для В. Ленина не было новостью, ведь он прекрасно знал настроения «трудовых дезертиров», поэтому и выступил «решительно против» предложения Л. Троцкого, справедливо полагая, что с одной стороны, Гражданская война еще не закончилась, и отказ от продразверстки грозил крахом экономической политики в целом, а с другой – как уже говорилось, в своих доводах В. Ленин опирался на результаты хозяйствования, в первую очередь хлебные сборы, обеспечение городов, предприятий топливом, углем, железных дорог подвижным составом и т. д., и с этой точки зрения не было оснований для отказа от внедренных с огромным трудом, апробированных пролетарским опытом форм и способов хозяйствования. Ведь В. Ленин прекрасно понимал, что означало «введение товарообмена». Такой шаг, с точки зрения заявленных в «Очередных задачах» целях большевистской политики, а затем их постулировании во второй программе РКП(б), означал их неминуемый крах.

Требуется уточнения и другая проблема. Как уже говорилось выше, в трудах некоторых авторов социально-экономическая политика ленинского правительства названа «броском в непроверенные и утопические эксперименты». Действительно, в марте 1919 г. в выступлении В. Ленина на VIII съезде РКП(б) прозвучало: «Мы не сомневались, что нам придется по выражению тов. Троцкого, экспериментировать, делать опыт. Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался». Оратор продолжил: «Конечно, масса людей обвиняла нас, и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют нас за то, что мы взялись за дело, не зная, как довести его до конца. Но это – смешное обвинение людей мертвых. Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца! Как будто это знание почерпается из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение» [22, с. 138, 140–141].

Конкретизируем, в докладах, выступлениях В. Ленина, в материалах VIII, IX, X съездов РКП(б) в обосновании необходимости корректировки при-

нимавшихся решений содержатся неоднократные указания на необходимость учитывать и опираться на практические результаты социально-экономической политики – исторический опыт. В житейских реалиях того времени, в политической лексике и терминологии научная категория «исторический опыт» практически не использовалась, широкое хождение получил ее синоним, простая и понятная рабочим ленинская дефиниция «опыт масс». Полагая, для того чтобы дальнейшие рассуждения не утратили научный характер, необходимо обратить внимание на содержание дефиниции «исторический опыт». По нашему определению, *исторический опыт* – это целенаправленная деятельность органов государственной власти, административно-управленческого персонала, трудовых коллективов по выполнению основных задач социально-экономической политики. Составными частями исторического опыта являются формы (планово-директивный механизм, решения съездов и пленумов, правительственные декреты), методы (организация производства и труда на промышленных и аграрных предприятиях), средства (финансовые, материально-технические, научные и иные ресурсы), которые использовались в процессе реализации социально-экономической политики, а также ее результаты [44, с. 7–8]. Таким образом, в научном отношении понятия «исторический опыт» и «социальный эксперимент» не являются тождественными. Поэтому утверждение о «социальном эксперименте», которое относится к характеристике

большевистской политики периода ноября 1917 – февраля 1921 г., не может быть принято в качестве научного положения.

Миф о военном коммунизме. «Слепая» вера во всемогущество пролетарской диктатуры не только порожидала надежду на скорое «осуществление царства социализма», но и питала фанатизм ЦК РКП(б) в стремлении реализовать программные установки. По этой причине в ноябре 1917 – феврале 1921 г. руководство большевистской партии разговоров о военном коммунизме не вело. У истоков этого мифа стоял А. Богданов. Еще до Октябрьской революции, в июне 1917 г., он писал: «Военный коммунизм есть, *прежде всего, особая форма общественного потребления* – авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и потребления» [45, с. 342]. Не вдаваясь в дальнейшее пространное цитирование мыслей и положений А. Богданова, изложенных в сборнике статей «Вопросы социализма», отметим, что его концептуальная ошибка в осмыслении идеи состояла в том, что видимый, зримый образ исторического явления, его формальные внешние признаки он наделил сущностными характеристиками. Такая трансляция научной идеи присуща метафизическим формам обыденного сознания. И особенно печально, что в марте 1921 г. В. Ленин, в совершенстве владевший методологией диалектического материализма, спасая свою репутацию от неминуемого краха, не нашел ничего лучшего, как с помощью мифа скрыть истину, оправдаться в провале своей практической политики.

Выводы

Аналитическое осмысление фактического материала дает возможность в тезисном формате изложить *принципиально новую концепцию истории белорусской советской государственности на раннем этапе ее становления* (ноябрь 1917 – февраль 1921 г.).

1. После победы Октябрьской революции в российском советском, а также и в белорусском советском государстве формализовался правовой и политический режим, присущий диктатуре пролетариата. Классовый принцип, положенный в основу кадровой политики, оказывал решающее влияние на взаимоотношения между обществом и властью, что создавало социальные предпосылки и в значительной степени предопределило становление нового типа политической культуры – пролетарской политической культуры. Защита политико-идеологической базы, пролетарских ценностей, интересов и традиций стала одной из ключевых функций новой государственной власти. Взаимоотношения между обществом и властью в целом выстраивались на основе норм и ценностей пролетарской политической культуры. На этой базе начало возводиться здание командно-административной системы власти и управления.

2. Главной целью социально-экономической политики российского и белорусского правительств

стало создание основ некапиталистического общества. В общем и целом налаживание взаимодействия между социумом и властью происходило в процессе строительства *раннего пролетарского социализма*. Организация структур принципиально нового хозяйственного механизма, основанного на прямом продуктообмене, стала закономерным явлением в стремлении пролетарской власти осуществить переход к новым производственным и социальным отношениям. В условиях ограниченного, но все же функционирования товарно-денежных отношений, создание нового хозяйственного механизма базировалось на принуждении к труду, продовольственной разверстке, нормированном распределении предметов потребления, социальных услуг и материальных благ.

2. *Ранний пролетарский социализм* – первая историческая форма реализация идеи социализма в истории белорусской национальной государственности. Внедрение в обществе начал пролетарского жизнеустройства, присущих раннему пролетарскому социализму, преимущественно осуществлялось в пределах материального производства в городах. Отличительной особенностью раннего социализма стала культивация в пролетарской и крестьянской среде новых форм социальных и производственных

отношений, таких как фабрично-заводская производственно-потребительская коммуна, сельская производственно-потребительская коммуна (деревня-коммуна), советское хозяйство (совхоз), коллективное хозяйство (колхоз), товарищество по совместной обработке земли и др.

3. Предоставление социальных услуг городскому пролетариату на основе нулевой оплаты значило его содержание за счет казны, эксплуатации труда тех категорий населения, на которые эти блага не распространялись. Для рабочих государственное содержание стало социальным благом, во имя которого свершилась революция, что способствовало трансляции и тиражированию в пролетарской среде примитивных житейских представлений о принципах и началах коммунизма. Неизбежным, закономерным следствием хозяйственного механизма раннего социализма стала культивация пролетариатом социального иждивенчества — особой формы классового паразитизма.

4. В историческом бытии и массовом сознании советского крестьянства образ раннего пролетарского социализма связывался преимущественно с властью Советов, социально-классовым освобождением. В этом интересы рабочих и интересы большинства крестьянства совпадали. Создание не-

рыночного хозяйственного механизма и его функционирование стали возможными лишь на основе продовольственной разверстки. По концептуальной сути (как инструмент аграрной политики) продрозверстка есть попытка власти путем принуждения перевести крестьянство в разряд аграрного пролетариата. В этом крылись замысел, цель, ее стратегическое предназначение, что соответствовало новому ценностному выбору, догматам коммунистической доктрины о решительном разрыве с унаследованными от прошлого отношениями собственности, уничтожению противоположности классов. В контексте строительства нового, нерыночного хозяйственного механизма продрозверстка означала принудительное изъятие из хозяйственного оборота всех излишков продовольствия, производимых крестьянством, с целью ликвидации продовольственного рынка.

6. Всеобщий кризис, проявившийся в падении сельскохозяйственного и промышленного производства, нарастании социального недовольства, массовых антиправительственных акций, заставил правительства РСФСР и БССР временно отказаться от осуществления некоторых базовых идей и мероприятий, присущих раннему пролетарскому социализму.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. / глав. ред. Н. П. Поспелов (пред.) [и др.]. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 3 : Коммунистическая партия — организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской республики. Март 1917—1920 г., кн. 2 : Март 1918 — 1920 г. — 1968. — 607 с.
2. История СССР с древнейших времен до наших дней : в 2 сериях, в 12 т. / глав. ред. сов. Б. Н. Пономарев (пред.) [и др.]. — М. : Наука, 1967. — Сер. 2. — Том VII : Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР 1917—1920 гг. / редкол.: И. И. Минц (отв. ред.) [и др.]. — 1967. — 751 с.
3. Карр, Э. История Советской России / Э. Карр. — М. : Прогресс, 1990. — Кн. 1, т. 1 и 2 : Большевицкая революция. 1917—1923. — 768 с.
4. Боффа, Дж. История Советского Союза / Дж. Боффа. — М. : Международные отношения, 1990. — Т. 1 : От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917—1941. — 632 с.
5. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. — М. : Госполитиздат, 1952. — 351 с.
6. Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященные обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. — 1998. — № 2. — С. 3—36.
7. Власть и общество в условиях Гражданской войны // Отечественная история. — 1998. — № 3. — С. 89—90.
8. Веко, А. В. История России с древнейших времен до наших дней / А. В. Веко. — Минск : Современная литература, 2001. — 896 с.
9. Крестьянские настроения в период «военного коммунизма» // Вопросы истории. — 2011. — № 2. — С. 99—102.
10. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Современная школа : Экоперспектива, 2007—2011. — Т. 5 : Беларусь у 1917—1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. — 2006. — 613 с.
11. Народное хозяйство СССР в 1972 г. : стат. ежегодник. — М. : Статистика, 1973. — 824 с.
12. Ленин, В. И. Как В. Засулич убивает ликвидаторство / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М. : Политиздат, 1977. — Т. 24. — С. 22—44.
13. Дмитриенко, В. П. Советская экономическая политика в годы пролетарской диктатуры. — М. : Наука, 1986. — 254 с.
14. Ленин, В. И. Очередные задачи Советской власти // В. И. Ленин / Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М. : Политиздат, 1977. — Т. 36. — С. 167—208.
15. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. — М. : Наука, 1978. — 414 с.
16. Комитеты бедноты Белоруссии : сб. документов и материалов. — Минск : АН БССР, 1958. — 650 с.
17. Гісторыя Беларусі : у 5 т. — Мінск : Навука і тэхніка, 1973. — Т. 3 / рэдкал.: І. М. Ігнаценка [і інш.]. — 696 с.
18. Кооперативно-колхозное строительство в Белорусской ССР / редкол.: М. Костюк [и др.]. — Минск : Наука и техника, 1980. — 310 с.
19. Общество и власть. Российская провинция 1917 г. — 1980-х годов (по материалам нижегородских архивов) : в 3 т. / редкол.: А. А. Кулаков (отв. ред.) [и др.]. — М. ; Нижний Новгород ; Париж, 2002. — Т. 1 : 1917 г. — середина 1930-х годов. — С. 117—121.

20. Безбережьев, С. В. Мария Александровна Спиридонова / С. В. Безбережьев // Вопросы истории. – 1990. – № 9. – С. 65–81.
21. Эканамічная госторыя Беларусі : курс лекцый / пад рэд. В. І. Галубовіча. – Мінск : Экаперспектыва, 1993. – 228 с.
22. Ленин, В. И. Отчет Центрального комитета 18 марта / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 38. – С. 131–173.
23. Ленин, В. И. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля 1918 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 36. – С. 491–513.
24. Ларичев, В. Я. Государственно-монополистические тенденции в продовольственном деле накануне Великого Октября / В. Я. Ларичев // Вопросы истории. – 1979. – № 9. – С. 36–51.
25. История советского рабочего класса : в 6 т. – М. : Наука, 1984. – Т. 1 : Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917–1920 гг. / редкол.: Л. С. Гапоненко (отв. ред.) [и др.]. – 496 с.
26. КПСС в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1989–1970. – 8-е изд. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2 : 1989–1924. – 543 с.
27. Куренышев, А. А. «Революционная война» и крестьянство / А. А. Куренышев // Отечественная история. – 2001. – № 6. – С. 33–46.
28. Кабанов, В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» / В. В. Кабанов. – М. : Наука, 1988. – 304 с.
29. Ленин, В. И. Речь на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 39. – С. 372–382.
30. Веселов, С. В. Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма» / С. В. Веселов // Вопросы истории. – 1991. – № 9–10. – С. 25–37.
31. Соколов, Е. Н. Большевики и финансы (август – декабрь 1918 г.) / Е. Н. Соколов // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 3–15.
32. Костина, Р. В. Московский городской совнархоз в решении вопросов управления промышленностью столицы (1918–1920 гг.) / Р. В. Костина // Вопросы истории СССР. – 1984. – № 3. – С. 116–128.
33. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1968. – 69 с.
34. Ленин, В. И. Задачи союзов молодежи / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 41. – С. 298–318.
35. Ленин, В. И. Дополнение к декрету о продовольственной диктатуре / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 36. – С. 318.
36. Ленин, В. И. Об организации продовольственных отрядов / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 36. – С. 430–432.
37. Ленин, В. И. Заключительное слово по докладу 5 июля / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 36. – С. 514–517.
38. Хазиев, Р. А. «Автономный нэп» эпохи «военного коммунизма» на Южном Урале: рыночная альтернатива командно-распределительной экономике / Р. А. Хазиев // Отечественная история. – 2001. – № 6. – С. 46–60.
39. Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП(б) 22 сентября 1920 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 41. – С. 281–285.
40. Ленин, В. И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 43. – С. 130–144.
41. Ленин, В. И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта 1921 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 43. – С. 7–33.
42. Ленин, В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 44. – С. 144–152.
43. Троцкий, Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии / Л. Д. Троцкий. – М. : Панорама, 1991. – Т. 1–2. – 624 с.
44. Смяховіч, М. У. Сельская гаспадарка Савецкай Беларусі ў 1943–1991 гг.: этапы развіцця, дасягненні, вопыт / М. У. Смяховіч. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 439 с.
45. Богданов, А. А. Вопросы социализма: работы разных лет / А. А. Богданов. – М. : Политиздат, 1990. – 479 с.

Мікалай Смяховіч

БЕЛАРУСКАЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦЬ (ЛІСТАПАД 1917 – ЛЮТЫ 1921 ГОДА)

Рэзюмэ

Ключавыя словы: гістарыяграфія, крыніцы, крытыка, сацыяльна-эканамічная палітыка, РСФСР, БССР, характарыстыка, лістапад 1917 – люты 1921 г., новая канцэпцыя, ранні пралетарскі сацыялізм.

На аснове аналізу гістарыяграфіі і крыніц ў артыкуле разглядаюцца і ахарактарызаваюцца сацыяльна-эканамічная палітыка кіраўніцтва ЦК РКП(б) і СНК РСФСР, якая атрымала вызначэнне ранняга пралетарскага сацыялізму. Упершыню ў нацыянальнай гістарыяграфіі аўтар выкладае новую канцэпцыю гісторыі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці ў перыяд з лістапада 1917 – па люты 1921 г.

*Mikalai Smiakhovich***THE BELARUSIAN NATIONAL STATEHOOD
(NOVEMBER 1917 – FEBRUARY 1921)***Summary*

Keywords: historiography, sources, criticism, social and economic policies, RSFSR, BSSR, characteristic, November 1917 – February 1921, concept, early socialism, new concept, early proletarian socialism.

Based on the analysis of historiography and sources, the paper describes social and economic policies of the leadership of the Central Committee of the RCP(b) and the Sovnarkom of the RSFSR, which received the definition of early proletarian socialism. For the first time in national historiography, the author presented a new concept of the Belarusian national statehood, including the Belarusian Soviet state in the period from November 1917 to February 1921.

Дата паступлення ў рэдакцыю: 21.02.2022